

13. Problemy teorii gosudarstva i prava : uchebnoe posobie [Problems of the theory of state and law: a textbook] / edited by M. N. Marchenko. M. : PROSPEKT [Publishing house], 1999.

14. Ob eksperimental'nyh pravovyh rezhimah v sfere cifrovyyh i tekhnologicheskikh innovacij v Rossijskoj Federacii : federal'nyj zakon RF ot 31.07.2020 № 258-FZ // Sobr. zakonodatel'stva RF. 2020. № 31 (ch. 1), st. 5017 [On experimental legal regimes in the sphere of digital and technological innovations in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of July 31, 2020 No. 258-FZ // Collected legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part 1), Art. 5017].

15. Ob ustanovlenii eksperimental'nogo pravovogo rezhima v sfere cifrovyyh innovacij i utverzhdenii Programmy eksperimental'nogo pravovogo rezhima v sfere cifrovyyh innovacij po napravleniyu medicinskoj deyatel'nosti s primeneniem tekhnologij sbora i obrabotki svedenij o sostoyanii zdorov'ya i diaгнозов grazhdan v otnoshenii realizacii iniciativy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii «Personal'nye medicinskie pomoshchniki : postanovlenie Pravitel'stva RF ot 09.12.2022 № 2276 // Sobr. zakonodatel'stva RF. 2022. № 51, st. 9237 [On the establishment of an experimental legal regime in the sphere of digital innovations and approval of the Program of experimental legal regime in the sphere of digital innovations in the direction of medical activity using technologies for collecting and processing information on the health status and diagnoses of citizens in relation to the implementation of the initiative of socio-economic development of the Russian Federation «Personal medical assistants»: Resolution of the Government of the Russian Federation of 09.12.2022 No. 2276 // Collected legislation of the Russian Federation. 2022. No. 51, Art. 9237].

16. Gatilova A. S. Nekotorye voprosy prognozirovaniya razvitiya zakonodatel'stva i ih znachenie dlya advokatskoj praktiki // Advokat [Gatilova A.S. Some issues of forecasting the development of legislation and their significance for advocacy practice // Advocate]. 2014. No. 4. Pp. 51–56.

17. Agamirov K. V. Yuridicheskoe prognozirovanie kak faktor sovershenstvovaniya rossijskoj pravovoj sistemy : dis. ...d-ra yurid. nauk [Legal forecasting as a factor in improving the Russian legal system: dissertation for Doctoral degree in Legal sciences]. M., 2020.

18. Baranov V. M. Normorajter kak professiya // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii [Standard Writer as a Profession // Journal of the Saratov State Law Academy]. 2017. No. 6. Pp. 19–29.

Александр Николаевич Суслин

*Аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России), Заместитель генерального директора по правовым вопросам АО «СИБПРОМКОМПЛЕКТ»
E-mail: a.n.suslin@mail.ru*

Особенности правового положения субъектов корпоративных правоотношений и корпоративного контроля в Российской Федерации

Аннотация. Актуальность выбранной темы заключается в недостаточной урегулированности правового положения субъектов корпоративных правоотношений. Предмет исследования — правовое положение субъектов корпоративного контроля, а цель — выявление их особенностей и характерных отличий от субъектов корпоративных правоотношений. Новизна исследования заключается в обосновании необходимости определения понятий субъектов корпоративных правоотношений и корпоративного контроля и их места в рамках единого нормативного акта. В статье использовались методы исследования: теоретические — анализ, синтез, дедуция, аналогия права — и практические — наблюдение, сравнение, описание. Предлагается общее определение субъекта корпоративного контроля — «бенефициар корпоративного контроля», с выделением его двух базовых категорий «открытый» и «скрытый». Приводится действующая схема оформления прав на хозяйственные общества. Бенефициар корпоративного

© Суслин А. Н., 2026

контроля выделяется как главенствующее лицо в корпоративных правоотношениях. Ставится вопрос о необходимости консолидации и совершенствования корпоративного законодательства с учетом действующих реалий и вызовов.

Ключевые слова: хозяйственное общество, корпоративные правоотношения, корпоративный контроль, субъект корпоративных правоотношений, субъект корпоративного контроля, бенефициар, судебная практика.

Alexander Nikolaevich Suslin

*Postgraduate Student of the department of Civil and Business Law,
Volga Institute (branch) of the All-Russian Presidential
Academy of Justice (RLA (Russian Law Academy) of the
Ministry of Justice of Russia) Deputy General Director for Legal
Affairs, JSC SIBPROMKOMPLEKT*

Peculiarities of the Legal Status of Subjects of Corporate Legal Relations and Corporate Control in the Russian Federation

Annotation. *The relevance of this topic lies in the insufficient regulation of the legal status of subjects of corporate legal relations. The subject of this study is the legal status of subjects of corporate control, and the goal is to identify their characteristics and distinctive features from subjects of corporate legal relations. The novelty of this study lies in the substantiation of the need to define the concepts of subjects of corporate legal relations and corporate control and their place within a single regulatory act. The article utilized the following research methods: theoretical – analysis, synthesis, deduction, analogy of law – and practical – observation, comparison, and description. A general definition of a subject of corporate control is proposed – «beneficiary of corporate control,» distinguishing its two basic categories: «open» and «hidden.» A current scheme for registering rights to business entities is presented. The beneficiary of corporate control is identified as the dominant party in corporate legal relations. The need to consolidate and improve corporate legislation, taking into account current realities and challenges, is raised.*

Keywords: *business entity, corporate legal relations, corporate control, subject of corporate legal relations, subject of corporate control, beneficiary, judicial practice.*

Формат, при котором использовались обходы легальной формы ведения предпринимательства, в том числе за счет привлечения номинальных и подставных лиц, имеет многовековую историю и не является вновь возникшей противоправной конструкцией в современном правовом мире.

Так, законодательство Византийской империи как во времена создания Юстинианова Свода гражданского права (VI в.), так и во время действия Василик (IX–XI вв.) и Арменопула (XIV в.) всегда поддерживало легальное предпринимательство и ограждало его интересы от правонарушителей, облегчая законодательным путем действие этого легального предпринимательства и защищая предпринимателей от сопротивления трудящихся масс [1, с. 12]. Однако это не мешало «византийским бизнесменам» того времени вести торговую деятельность по принципу «не обманешь, не продашь». В римском праве считалось естественным свойством природы человека обманывать друг друга при торговле. Это положение было воспринято и Василиками [1, с. 12].

Несмотря на то, что, знатым византийцам-сановникам было запрещено вести предпринимательскую деятельность в торговле и ремесле, сохранялась лазейка: любой из них мог дать своему рабу право на управление пекулием*, стать хозяином любой эргастерии.**

* В Византии пекулий (лат. *resilium*), как и в Риме, представлял собой имущество, выделенное главе семейства (*pater familias*) подвластному лицу, например, рабу, для ведения хозяйства и извлечения прибыли.

** Ремесленные мастерские, существовавшие в Византийской империи. В них использовался труд рабов, а владельцы либо сами участвовали в работе, либо контролировали ее. Эргастерии были распространены во всех видах ремесленного производства, в том числе и в горнодобывающей промышленности.

Таким образом раб мог стать подставным лицом в предпринимательстве зная, легально обходя закон.

Для демонстрации строгости мер за правонарушение в соответствующей части тех лет показательной является следующая история. Разумеется, со стороны зная предпринимались попытки заниматься торговлей в широком масштабе, против чего выступала императорская власть. Однажды император Феофил (IX в.) увидел огромный корабль, наполненный ценным грузом. Узнав, что это его жена стала заниматься морской торговлей, он приказал сжечь корабль вместе с грузом, сказав: «Торговать надлежит только частным лицам, если мы будем извлекать доход от торговли, то каким образом могут жить частные лица?» [1, с. 12].

Человеческие качества, способы ведения бизнеса и попытки обхода легального предпринимательства тех времен свойственны и современным правовым реалиям, что ставит перед законодателем задачу принимать адекватные меры по их урегулированию и встраиванию в хозяйственный оборот.

По смыслу ч. 1 ст. 2 ГК РФ в корпоративных правоотношениях задействованы участники (акционеры) и органы управления (высшие, исполнительные, коллегиальные). Итогом их совместного союза является хозяйственное общество, выступающее, по своей сути, самостоятельным субъектом корпоративных правоотношений.

Такой подход, вопреки действующим отечественным правоприменительным реалиям, абсолютно не подразумевает наличие в корпоративном поле номинальных (фиктивных, теневых) лиц, имеющих свойство непосредственно встраиваться в структуру хозяйственного общества и давно фактически занявших свое место в корпоративном праве. Их специфика и предназначение заключаются в «отведении в тень» реальных собственников бизнеса и органов управления, что, как правило, продиктовано противоправными причинами и целями.

Такие действующие понятия, как «участник» либо «генеральный директор», по умолчанию, вовсе не предполагают их номинальность, в то время как, по сути, она стала неотъемлемой частью корпоративных правоотношений, а если быть точнее, в большинстве случаев, ее «теневой стороной». Ситуация, при которой номинальным лицом может являться де-юре участник (акционер) хозяйственного общества, а генеральным директором выступать де-факто совершенно иное лицо, вопреки регистрационному делу и (или) списку участников (реестру акционеров) соответствующей организации, является вполне повседневной картиной.

Следствием такого положения дел стало возникновение в действующем правовом и правоприменительном поле дефиниций и классификаций субъектов корпоративных правоотношений и непосредственно связанных с ними лиц — «бенефициар», «бенефициарный владелец», «выгодоприобретатель», «номиналы» («фиктивные», «теневые» лица), «контролирующие должника лица» («КДЛ»), «лица, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица» и т. д.

Данное обстоятельство указывает на то, что закон таким образом регулирует, скорее, следствие номинального института, а не первопричины условий его возникновения и правового положения, что в настоящее время оставлено законодателем без внимания и является серьезным упущением, исключающим верную классификацию номинальных лиц на стадии их становления в хозяйственном обороте со всеми вытекающими из этого последствиями.

В частности, такой вывод можно сделать на основе анализа положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», в которых, фактически, под самостоятельным субъектом корпоративных правоотношений подразумеваются номинальные лица, с четко выраженными присущими им особенностями в зависимости от влияния на деятельность хозяйственного общества и с соразмерно регулируемой ответственностью.

Однако указанные Закон и Постановление противостоят последствиям де-факто действующего номинального института в отсутствие прямого закрепления базового понятия о нем, включающего в себя все особенности и характерные черты подставных лиц в зависимости от их участия и содеянного в рамках хозяйственного оборота.

Такое положение дел исключает возможность разделения реальных субъектов правоотношений от не реальных (номинальных) на самом начальном этапе их возникновения, т. е. законодательное разграничение между субъектами корпоративных правоотношений

и, как следствие, между субъектами корпоративного контроля отсутствует. Регулирование данного обстоятельства, в первую очередь, необходимо для верной классификации таких лиц и определения их места в корпоративном обороте, в целях обеспечения наиболее всесторонней и полной оценки совершаемых ими действий на предмет справедливой и соразмерной ответственности.

Такой подход не способствует правовой определенности в вопросе исчерпывающего круга субъектов корпоративных правоотношений и субъектов корпоративного контроля, в частности, за счет очертания которых, становится возможным определить различия между этими понятиями, а, следовательно более углубленно понять и изучить корпоративный контроль как основу корпоративного права.

О. В. Осипенко к субъектам корпоративного контроля относит не только титульных контрольных участников — контролирующих лиц, подпадающих под квалифицирующие признаки, предусмотренные ст. 2 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» и ст. 81 Федерального закона «Об акционерных обществах», но и разного рода транзитных и конечных бенефициаров, осознанно располагающихся за периметром указанных критериев, — доминирующих выгодоприобретателей от бизнеса компании в целом, подчеркнем, и раскрываемых в установленном порядке, и не раскрываемых, латентных [2, с. 13].

Номинальные лица и стоящие за ними бенефициары корпоративного контроля — выгодоприобретатели «теневых» оформления корпоративных правоотношений, в основном, воспринимаются в негативном свете, поскольку практикуемый ими подход к ведению бизнеса, как правило, опосредован нарушением закона и обременен коррупционными составляющими.

Научным сообществом выделяются три причины избрания модели обезличенного управления коммерческими корпорациями:

1) сокрытие имени собственника бизнеса, необходимость которого могла быть обусловлена нежеланием разглашения сведений о реальном собственнике бизнеса (например, для исключения риска раздела бизнеса при разводе супругов, в случаях контролирования бизнеса родственниками чиновников, сохранения информации о внутрикорпоративных бизнес-процессах перед инсайдерами и по иным причинам);

2) избежание риска привлечения к субсидиарной ответственности КДЛ, что стало особенно актуальным в случае банкротства общества и рассматривается в системе корпоративного комплаенса;

3) сокрытие информации о реальном собственнике в условиях санкционного давления для обеспечения возможности продолжения ведения бизнеса [3, с. 13].

Первые два примера дают заведомое преимущество лицам, использующим номинальный институт, перед не использующими, заключающееся в необходимости отдельного установления их реального статуса в судебном порядке, что обременительно с точки зрения времени и финансовых затрат, чем не всегда могут воспользоваться добросовестные лица.

Третий пример указывает на то, что в некоторых случаях единственным возможным способом ведения предпринимательства в условиях внешнеэкономического давления может быть номинальный институт. Это укладывается в действующий правовой подход, согласно которому, по умолчанию, номинальное оформление прав участника (акционера) либо лица, выполняющего функции органа управления хозяйственного общества, само по себе нарушением не является.

Отсюда следует вывод, что для обеспечения ясности и прозрачности статусов всех участников корпоративных правоотношений субъектный состав института хозяйственных обществ следует урегулировать законодательно, предусмотрев все варианты правового положения номинальных лиц.

Консолидированное нормативное регламентирование и основанное на этом четкое понимание субъектного состава корпоративных правоотношений, включающего в себя номинальных лиц, позволяет выделить и свой обособленный субъектный состав корпоративного контроля.

Во-первых, субъектом корпоративного контроля, в отличие от субъекта корпоративных правоотношений, не могут являться органы управления, по той простой причине, что таковые являются не собственниками хозяйственного общества — истинными, фактически-ми участниками (акционерами), а, по сути своей, следствием выражения их волеизъявления,

т. е. инструментом, полностью зависящим от принимаемых ими решений. Проще говоря, в отсутствие собственников — участников (акционеров) не будет и органов управления. Судьба последних полностью зависит от первых, а не наоборот.

Во-вторых, субъектом корпоративного контроля, в отличие от субъекта корпоративных правоотношений, не может быть номинальное лицо, поскольку субъект корпоративного контроля — это всегда лицо, которому он фактически, вне зависимости от юридического оформления, принадлежит. Несмотря на то, что номинальные лица могут использоваться субъектами корпоративного контроля и наделяться ими полномочиями на принятие решения, это не исключает фактической принадлежности последним долей участия (акций).

В-третьих, только субъекты корпоративного контроля, включая утративших такой статус по противозаконным основаниям, обладают правом и возможностью своей персональной защиты в виде требований о восстановлении корпоративного контроля, а исключенными из общества могут быть истинные участники (акционеры). Установление судом номинальности участника (акционера) в рамках таких споров в первом случае повлечет отказ в иске, а во втором — непосредственным образом фактически лишит корпоративного контроля реального собственника доли (акций) вне зависимости от его оформления прав на долю (акции) на номинальное лицо.

Отсюда следует, что субъекты корпоративного контроля — это его бенефициары, открытые и скрытые, различие между ними состоит в том, что первые действуют в правовом поле прямо, допуская возможность определения своей принадлежности к корпоративному контролю, через регистрационное дело налоговой инспекции и список участников (реестродержателя), т. е. являются теми самыми реальными участниками (акционерами) либо лицами, лишенными корпоративного контроля противозаконно, речь о которых идет в п. 7 «Обобщенной судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами», утвержденной Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023. Вторые же действуют через номинальных лиц, это исключаящих.

Учитывая сказанное, открытым остается вопрос о том, как именовать таких лиц, исходя из двух обозначенных категорий. Анализ судебной практики показывает, что суды, в отсутствие законодательного закрепления таких определений, используют терминологию на базе понятия «бенефициар» (на латыни *beneficium* — «благоденствие», на французском *benefice* — «прибыль, польза», на английском *beneficiary* — бенефициар).

Например, в упомянутом п. 7 Обобщенной судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами» отмечается, что в отдельных случаях не исключается возможность возложения судом на хозяйственное общество обязанности по предоставлению информации о его деятельности фактическому бенефициару общества, например, при утрате истцом корпоративного контроля за деятельностью общества по причине противоправных действий третьих лиц, в иных аналогичных случаях требующих обеспечения эффективной судебной защиты. В п. 58 «Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) содержится следующая формулировка: «В то же время гражданин не являлся бенефициаром бизнеса, имущественную выгоду из убыточных сделок не извлекал, при одобрении сделок исходил из принятой в обществе модели корпоративного управления, предполагающей выполнение указаний основного контролирующего лица». В Определении Верховного Суда РФ от 21.07.2025 № 309-ЭС25-5801 по делу № А07-26853/2023 отмечено: «Суд апелляционной инстанции указал, что между бенефициарами бизнеса имелось определенное корпоративное соглашение». В Определении Верховного Суда РФ от 26.01.2024 № 309-ЭС22-22881(2) по делу № А47-12729/2017 содержится следующий вывод: «Бизнес группы лиц, контролируемой бывшим бенефициаром банка "ФИО", условно делился на финансовый блок, представленный банком, блоки нефтедобычи и недвижимости, представленные иными организациями». В Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.11.2024 № Ф04-5019/2020 по делу № А03-199хъ36/2016 содержится формулировка «...в рамках налоговой проверки установлено, что должник входил в группу компаний "Наименование", подконтрольных конечным бенефициарам и собственникам бизнеса ФИО и ФИО...». В Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 11.10.2023 № Ф05-16986/2023 по делу

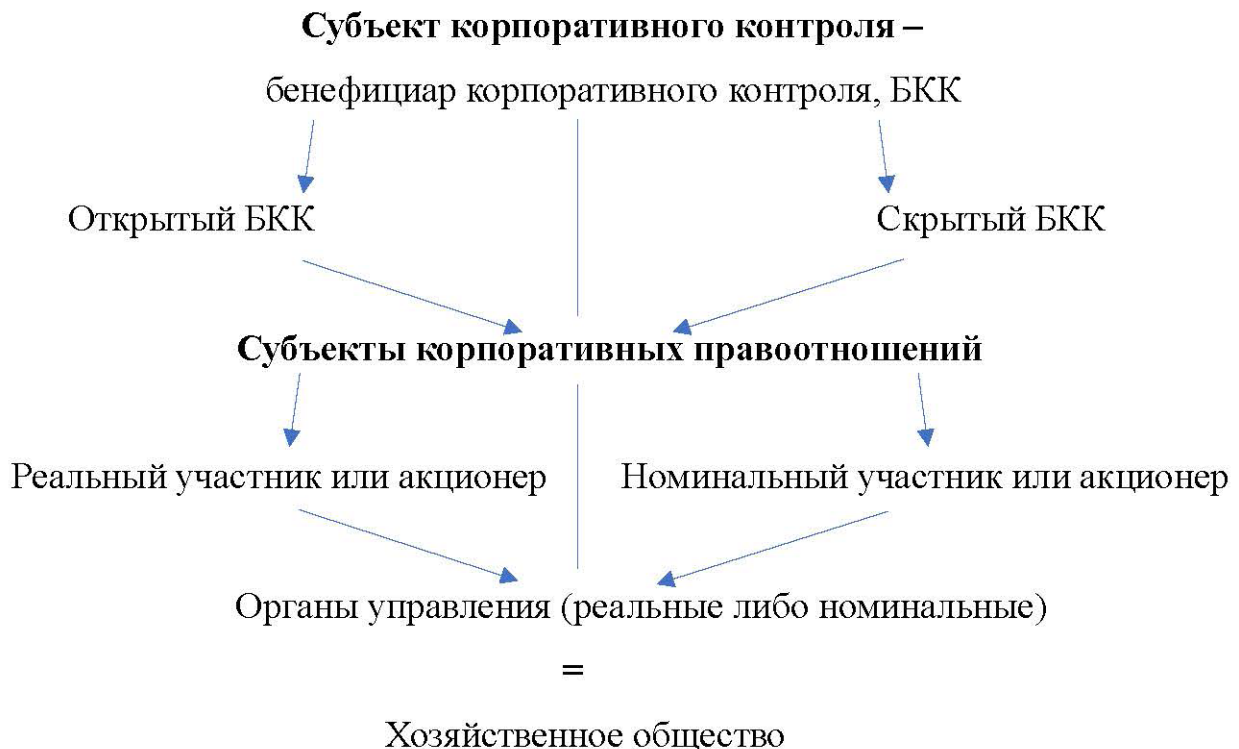
№ А40-39659/2020 судебная коллегия, направляя дело на новое рассмотрение, отметила, что «судами первой и апелляционной инстанций не исследован вопрос установления реального бенефициара бизнеса должника, который осуществлял фактическое руководство должником (давал указания по совершению сделок), а также наличия оснований для привлечения указанного реального бенефициара к субсидиарной ответственности». В рамках другого дела № А40-245129/2019 тот же суд от 18.04.2025 указал, что «само по себе раскрытие номинальными лицами конечного бенефициара бизнеса не является основанием для полного освобождения от субсидиарной ответственности».

Исходя из приведенного анализа, под «бенефициаром» судами подразумевается не прямо поименованный «бенефициарный владелец» в ст. 3 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», поскольку применяется вне привязки к указанному Закону и за рамками оценки принадлежности процентного соотношения долей (акций).

Совокупность изложенного формирует запрос на необходимость прямого закрепления в законе одной общей дефиниции, консолидирующей такие понятия, как «конечный бенефициар бизнеса», «реальный бенефициар бизнеса», «собственник бизнеса» и т. п.

Учитывая, что понятие «бенефициарный владелец» прямо закреплено законом, а судебной практикой уже активно используется термин «бенефициар», представляется возможным взятие его за основу, с добавлением «корпоративного контроля» как производного его имущественных интересов. «Бенефициар корпоративного контроля» (БКК) как понятие исчерпывающе характеризует принадлежность корпоративного контроля конкретному лицу — субъекту корпоративных правоотношений и корпоративного контроля, в частности. С учетом фактического наличия в отечественном хозяйственном обороте института номинальных лиц, изначально следует разделить его на две существенные категории — «открытый» и «скрытый» бенефициар корпоративного контроля, в первом случае действующий прямо, во втором случае — через номинальное подставное лицо.

Представляется следующая структура субъектов корпоративных правоотношений и корпоративного контроля в практически действующем хозяйственном обороте и оформлении бизнеса.

Резюмируя изложенное, представляется возможным констатировать, что субъектный состав корпоративных правоотношений значительно шире и устойчивее прямо определенных законом. В настоящее время дефиниции, имеющие непосредственное отношение к субъектам корпоративных правоотношений, включая номинальных лиц, никак не обособлены и не систематизированы, что делает актуальным их консолидацию в едином нормативном регулировании. Анализ показывает, что корпоративный контроль, в лице его принадлежности бенефициарам, стоит во главе корпоративных правоотношений и оформляется на доли (акции) прямо либо через институт номинальных лиц. В целях обеспечения единообразия и правовой определенности в корпоративных правоотношениях обоснованным является выработка и закрепление нормативных понятий, с определением объема прав и ответственности всех его субъектов, с четким разделением на две категории: а) добросовестных лиц и б) лиц, действующих противоправно.

Предлагаемые меры могут быть частью ориентира в противоборстве с номинальными лицами как явлением в решении вопроса о пересмотре подхода к «корпоративной вуали», исключая ее распространение по умолчанию на лиц, заведомо и очевидно использующих институт хозяйственного общества противоправно, а в более широком смысле — обосновывать актуальность становления Корпоративного кодекса России.

Пристатейный библиографический список

1. Сюзюмов М. Я. Предпринимательство в византийском городе. Свердловск: Античная древность и средние века, 1966. Вып. 4. С. 2–30.
2. Осипенко О. В. Корпоративная конфликтология. М. : Статут, 2022.
3. Лаптев В. А. Модели обезличенного управления коммерческими корпорациями // Право и бизнес. 2024. № 1. С. 21–23.

References

1. Syuzyumov M. Ya. Predprinimatelstvo v vizantijskom gorode. Sverdlovsk. Antichnaya drevnost i srednie veka [Entrepreneurship in the Byzantine City. Sverdlovsk: Ancient Antiquity and the Middle Ages], 1966. Issue 4. Pp. 2–30.
2. Osipenko O. V. Korporativnaya konfliktologiya [Corporate Conflictology]. M. : Statut [Publishing house]. 2022.
3. Laptev V. A. Modeli obezlichenogo upravleniya kommercheskimi korporacijami // Pravo i biznes [Models of Impersonal Management of Commercial Corporations // Law and Business]. 2024. No. 1. Pp. 21–23.